

На берегах Юга и Шарженьги

Прадед мой Александр Павлович Подольский (1867 – 1940 г.г.) при царском режиме был одним из самых богатых и уважаемых людей в округе. От своего отца Павла Ивановича он унаследовал пятистенный дом, хлева со скотиной и земельные угодья. В семье Павла Ивановича Александр Павлович был младшим из трех сыновей.

Старший сын Дмитрий Павлович, человек образованный, жил в Санкт-Петербурге, владел книжной лавкой, но из-за романтической истории с замужней дворянкой вынужден был вернуться из столицы в деревню, и занимался школьными ремесленными мастерскими.

Средний сын Иван Павлович сначала жил в доме отца и был настоящим помощником во всех делах в большом хозяйстве. Но когда пришла пора Ивану жениться, он не согласился свататься ни к одной из предложенных родителями невест из зажиточных семей всей округи. Ему давно очень нравилась Мария, милая и аккуратная девушка на выданье, но из небогатой семьи.

Павел Иванович, раздосадованный поступком старшего сына Дмитрия, который вернувшись, не солоно хлебавши из Санкт-Петербурга, женился на девушке без приданного, не соглашался на брак среднего сына с такой же бесприданницей. Глава семейства договорился со священником Старогеоргиевской церкви, что бы тот не венчал его сына с Марией, если те придут без родительского благословения. Одиннадцать раз Иван и Мария приходили в церковь, преодолевая пешком почти 10 км в одну сторону, надеясь, что священник обвенчает их. Но священнослужитель, не желая терять благосклонность богатого прихожанина Павла Ивановича, который регулярно жертвовал церкви немалые деньги, отказывал в венчании. А жить вместе супружеской жизнью без родительского согласия и венчания в то время считалось прелюбодеянием и грехом. Но когда Иван и Мария в непогоду (в хорошие дни, как правило, было всегда много работы) в двенадцатый раз пришли в церковь и молча остановились перед священником, произошло то, ради чего юноша и девушка перенесли брань родителей, угрозы о лишении наследства, насмешки односельчан и многократные хождения под дождем и снегом в церковь.

То ли дрогнуло сердце у батюшки от такой преданности и настойчивости, то ли жена его, своенравная попадья, пристыдила служителя бога за неслыханное самоуправство, но только обвенчал священник молодых в этот раз. Жили они дружно, в своем доме, и когда родилась у них в 1905 году дочка Дуня, Павел Иванович смиловился, простил упрямого сына и выделил молодой семье часть имущества и скота из своего подворья.

Дуня, спустя годы, вышла замуж за Матвея Евлагьевича Бороздина из Наговицино, жила вместе с мужем в деревне Подольская и было у них пятеро детей: Александр, Анна, Николай, Илья, Пелагея. Сейчас приезжая в родные места, я среди односельчан встречаю потомков Ивана и Марии, которые через 3 поколения являются мне родственниками. А рассказ о необычном венчании Ивана и Марии до сих пор можно услышать от земляков.

Справедливости ради, надо отметить, что потомков Дмитрия и его жены Марины тоже можно увидеть на своей родине, а некоторые из них живут в Санкт-Петербурге, чему бы, наверное, очень обрадовался сам Дмитрий Павлович, путешественник и романтик, любивший тогдашнюю российскую столицу и всколыхнувший ее захватывающими слухами о любовной истории (об этом ранее написан мой рассказ «Верность ловеласа»).

Одним словом, после неоднозначных историй со старшими сыновьями вся надежда патриархального и уважаемого главы семейства Павла Ивановича Подольского была возложена на младшего сына Александра Павловича. И надо сказать, Александр не подвел отца в его надеждах. Правда, он женился тоже по любви, но на девушке из хорошей, по мнению отца, семьи, из деревни Оксилово, и звали избранницу Евдокия. Александр Павлович, как и его старшие братья, был очень хорош лицом и выделялся статной фигурой. А Евдокия и вовсе была красавица, к которой засылали сватов из разных деревень, далеких и близких, но она отдала предпочтение своему суженому, за которого и мечтала выйти замуж. Сватовство состоялось по всем правилам тогдашних устоев, которые непременно должны соблюдаться, иначе семейная жизнь может не сложиться. На двух розвальнях и на лучших лошадях, зимой, поехали сваты к дому родителей Евдокии. Процедура проходила неторопливо, степенно, что подчеркивало важность момента. Особой интриги не было, так как интерес жениха и невесты друг к другу не был тайной, но сторона невесты не сразу дала согласие, ссылаясь на молодость девушки, на её якобы отсутствие в доме и прочие нарочитые известные хитрости, которые применялись лишь для пущей важности.

Но дело, как и ожидалось, сложилось, и на радость молодых был назначен день свадьбы. Свадьба тоже проходила традиционно, сначала в доме невесты, потом жениха. Правда были и особенности. Отвергнутые женихи и их друзья как бы согласно обычаям, несколько раз останавливали свадебный поезд из многочисленных розвалень и саней, требуя угощения пивом. Сторона жениха поначалу, подчиняясь традициям, останавливала лошадей и давала угощение, но когда, уже в доме жениха, пришлые, сторонние парни, не званные на свадьбу попытались как бы в шутку похитить и спрятать невесту, родня жениха не стерпела, и началась драка. Драка была настоящая, бывшие непризнанные ухажеры невесты дрались до последнего, несмотря на то, что численное преимущество было на стороне жениха. Мутосили незваных гостей здорово и пришлось ноги уносить. Некоторых избили так сильно, что их вели в сани под руки, но увечий тогда не допускалось. Родственники и гости заботливо осмотрели не оставили ли в спешке своих лошадей незваные гости (такое тоже бывало и тогда на утро ребяташки доставляли подводы хозяевам) и снова уселись за столы продолжать отмечать радостное событие. Свадебные гуляния продолжались четыре дня. Павел Иванович, на радостях, во хмелю, громко заявил, что прощает все долги ему своих земляков. Это была такая купеческая замашка, но хотя до звания купца отец жениха не дотягивал, тем не менее «слово не воробей» и его пришлось сдержать.

Восемь детей родилось в счастливом браке Александра Павловича и Евдокии: Феодосий, Андрей, Александр (мой дед), Ираида, Пелагея, Анастасия, Илья, Екатерина. Все дети позаимствовали от родителей красоту и статность, юноши имели хорошую осанку и широкие брови (генетическая наследственность рода, сохранившаяся до наших дней), а девушки - выразительные глаза и длинные

красивые волосы. Семья жила в доме Павла Ивановича, чему он был очень рад. Все члены семьи, взрослые и дети, почитали и слушались Павла Ивановича не только согласно патриархальным неписаным законам того времени, но и по велению сердца.

Александр Павлович владел сапожной мастерской по пошиву и ремонту кожаной обуви, сам был хорошим мастером, поэтому в округе его называли на хохлятский (украинский) манер – чёботарем, а детей и внуков – чёботарятами. Семья жила в пятистенном доме, когда семейство не на шутку увеличилось, был срублен еще один большой дом – шестистенный. Имелись собственные земельные наделы, десять коров, несколько лошадей, около трех десятков овец, а также поросята, куры и другая деревенская живность.

Старшие сыновья Феодосий и Андрей, очень видные парни, преподавали в Калининской школе и обучали детей сапожному мастерству. Все другие дети занимались работой по хозяйству наравне со взрослыми.

Александр Павлович и Евдокия жили дружно в постоянных заботах, труде, а также в радости и любви. Семья занималась не только делами сапожной мастерской, но и расширяла земельные угодья. Пахотных земель в то время не хватало, а они были необходимы, так как поголовье скота в распоряжении семьи увеличивалось. Расширить земельные угодья для использования можно было лишь одним способом: сначала на выбранном и согласованном с деревенской общиной участке леса (других просто не было) вырубались молодняк и вековые деревья, обрубались сучья, на лошадях вывозились хлысты, собирались и сжигались сучья и корни. Затем предстояла самая трудная работа – корчевание пней. Это делалось вручную. Из инструментов – топоры, лопаты, лом и лаги.

О трудностях такой работы свидетельствуют рассказы земляков, передававшихся из поколения в поколение. Например, известен такой случай: два брата Кондрашонковы, из нашей деревни, целый день корчевали пни на участке, который должен в последствии стать новой пашней, то есть новыми сотками пахотной земли. Мужики так умаялись на работе, что, умывшись на реке, они сразу пошли в избу – обоим очень хотелось есть. С собой в лес они брали только хлеб, несколько вареных картошин и луковицу. Так было часто, когда работали без жен или сестер. Вот если с мужчинами на работу в лес шли женщины, тогда и сало брали с собой и вареные яйца и даже творог с молоком, не говоря уже о зеленом луке, квасе и огурцах. Одним словом, в этот раз «Кондрашата» проголодались больше, чем обычно. Дома никого не было. Старший брат привычно вынул ухватом из печи вместительный «чугун» (большой чугунок), деревянной половёшкой (половник) положил в большое глиняное блюдо «шти» (суп из овсяной крупы с мясом, который для готовности ставится на несколько часов в русскую печь в чугунке) и поставил его на широкий крепкий стол. Нарезал хлеб, положил рядом деревянные ложки, и они с братом за милую душу стали уплетать похлебку. Когда плошка была ополовинена, младший брат заметил: «А что matka (мама) мясо то не положила?» На это старшой ему ответил: «Давай доедим блюдце, а мясо на добавку из чугунка достану.» Но когда они уже почти опорожнили всю миску, то только сейчас заметили, что это не «шти» вовсе, а щёлок, который хозяйки в те времена варили из обычной золы и воды в больших чугунах в печи. Щёлок использовался для стирки белья (этакий предок нынешних стиральных порошков). Старший брат перепутал чугуны и вместо «штей» достал из печки щёлок...

Каждое утро за завтраком хозяин дома «давал наряды» всем членам семьи, то есть и старшие и младшие получали задания на целый день и шли работать на конюшню, овин, в лес, поле и т.д.. Несколько раз в году, в торговые дни, обычно в праздники, Александр Павлович со старшими сыновьями возил сапоги на продажу. В такие дни около церкви устраивались своеобразные однодневные ярмарки, куда привозили свои изделия местные умельцы: кузнецы, портные, сапожники, гармонщики и т.д. Крестьяне несли лён, масло, яйца и т.д. Молодые парни устраивали в такие дни состязания на лошадях. Лошадей заранее подготавливали: тренировали, выгуливали, давали специальный рацион, чистили.

Раз в год глава семейства обязан был приходиться в церковь на исповедь. Кроме того, в церкви хранились соответствующие записи, куда вносились сведения о каждой семье и об изменениях в них (кто умер, кто родился, кто и куда уехал и т.д.). Эти церковные записи сохранились в архивах Великого Устюга и были мною использованы при изучении истории нашего рода и составлении генеалогического древа. Также сохранились и списки, по которым в еще более ранние времена направлялись на службу рекруты. Рекрут направлялся один от нескольких дворов (иногда разных деревень). О семье рекрута заботились всем миром, и она в материальном смысле часто даже выглядела более предпочтительно.

Дом, из которого парня забрали в солдаты, был сразу замечен тем, что на его фасаде у самой крыши устанавливался небольшой венок из хвойных веток, которые были украшены многочисленными разноцветными лентами таким образом, что снаружи веток вообще не было видно. Такой красивый своеобразный букет изготавливали и украшали своими лентами местные девушки, как дань уважения взятому в солдаты парню, дескать не гулять тебе долго с красавицами, не водить с ними кадриль, не плясать под гармошку и не петь залихватских частушек.

В церковь шли не только в праздничные дни, на исповедь или крещение младенцев, сюда приходили люди со всей округи, чтобы в родительские дни помянуть усопших и схороненных по христианскому обычаю на погосте - рядом с церковью. Старогеоргиевская церковь, расположенная на берегу реки Юг, рядом с деревней Ковригино, имела, да и сейчас имеет для нашего края масштабное значение, в том числе историческое. В период заселения необъятных просторов Севера русскими людьми – выходцами из Великого Новгорода, по течению реки Юг новгородцами было построено четыре городка–крепости: Орловец, Осиновец, Кичменский городок и Халезец, самый верхний по Югу опорный пункт, который был основан в XV веке. Племена, которые еще до прихода новгородцев жили в наших местах, назывались «чудь», и они не всегда были рады приходу новгородцев, которые несли в край новую веру – православную и новую цивилизацию.

Если до прихода русских поселенцев, чудь жила за счет рыболовства, охоты и собирательства, то новгородцы принесли в наш край – топоры, ножи, крючки рыболовные. С их приходом началось земледелие и кузнечное дело. Местному населению приходилось платить дань новгородцам.

Однажды объединившись, чудь окружила Халезец и хотела взять его штурмом. Легенда возникновения церкви гласит, что после многодневной осады православные новгородцы – защитники крепости обратились с молитвой к своим святым с просьбой о помощи. На молитвы откликнулся святой Георгий Победоносец, явившись под стены Халезца на белом коне и с копьем. Чудь в страхе

разбежалась и больше не мыслила воевать с русскими. Благодарные халезцы срубили деревянную церковь в честь Георгия Победоносца.

Начался процесс заселения, а не завоевания края, и после смешения пришлой Руси с чудью возникновение единого народа с единой православной верой. Все последующие века на этом месте была церковь, о чем говорят письменные источники. Писец Никита Вышеславцев, который по приказу царя Михаила Романова проводил в 1623 – 1626 годах перепись в Устюгском уезде, писал в «Писцовых книгах»: «Волость Шарженга, и Халезец, и Березовец. В той волости погост в осыпи, где был городок Халезец, а на погосте церковь Страстотерпца Христова Георгия. А в церкви образы и книги, и свечи, и ризы, и сосуды церковные, и колокола, и всякое церковное строение мирских людей...»

Следующая перепись была проведена в 1678 – 1685 годах Алексеем Ладыженским, который записал: «Волость Халезская, а в ней погост на реке на Югу. На погосте церковь Страстотерпца Георгия. Теплая. Деревянная. А в церкви царские двери. Столбы и стены писаны на красках. На престоле книга Евангелие печатная...» Далее идет перечисление церковной утвари и информация о семьях церковнослужителей.

Со временем деревянная церковь стала слишком ветхой. В 80-х годах XIX века в основном на деньги прихожан была построена кирпичная церковь Старо-Егорьевского прихода в ее нынешнем облике. Вокруг церкви была поставлена искусно-выкованная железная ограда, которая радовала глаз.

К сожалению, в 30-е годы прошлого века церковь была закрыта, церковнослужители репрессированы. Затем была разрушена ограда, а помещение церкви вплоть до 80-х годов было использовано как зерновой склад. Но даже с ликвидацией прихода в родительские дни и в церковные праздники сюда всегда приходили практически все жители местных деревень: помолиться и поклониться праху предков.

Сейчас церковь восстанавливается на средства жителей окружающих деревень. Уже отремонтирована крыша, и есть надежда, что она будет сохранена для потомков. Придут другие времена, и может быть, когда-то церковь, построенная в честь Георгия Победоносца основателями нашего края, снова примет прихожан.

О служителях церкви сохранились и забавные истории, одну из которых считаю возможным изложить так, как я ее услышал.

В конце 19 века заканчивалось строительство кирпичного здания Старогеоргиевской церкви. Уже были установлены кресты, и оставалось установить большой колокол на готовую колокольню. Тогда башенных кранов и в помине не было, подобное оборудование на большую высоту поднималось по системе канатов. На канатах, переброшенных через специальные гнезда в колокольне, колокол поднимался усилиями местных мужиков, которых было несколько десятков (иначе не поднять). В один из погожих дней и началась эта ответственная работа. Колокол на высоту поначалу поднимался легко, священник только покрикивал на мужиков, давая команды: «Разом, пошел... Не дергать! Тянем, тянем. Не торопись! Держать, пошёл, пошёл...» Где-то на середине пути, когда колокол уже висел на уровне крыши церкви, и оставалось поднять его на высоту колокольни, дело не пошло. Колокол, как заговоренный, остановился и, не смотря на окрики попа и не шуточные потуги мужиков, тянувших из всей силы

канаты, выше подниматься не хотел. Служитель церкви, ругаясь про себя, обежал вокруг мужиков, а потом отошел от них на несколько метров, ближе к церкви, и крикнул: «Богохульники, нехристи! Кто прелюбодействует со своими снохами – отойдите, не мешайте богоугодному делу». Как не странно, но трое или четверо мужчин оставили веревки и отошли в сторону, как бы признавая свои грехи. И чудо! Колокол сдвинулся и, не спеша под умелые действия сельчан и одобрительные команды священника, был поднят до колокольной и там установлен. Когда раздались первые пробные удары в новый, установленный колокол, и долгожданные звуки, которые ни с чем не перепутаешь, накрыли притихшую округу, все присутствующие опустили на колени, и только священник, потный от переживаний, быстро проходя мимо тех грешных бедолаг, тихо сказал: «Вот я вас! Ироды! На исповедь ко мне придете. А если узнаю, что еще балуете, отлучу... Смотрите мне». На том дело и кончилось.

Ездил семья Александра Павловича торговать и на Ильинскую ярмарку в город Никольск. Народ умел не только работать, и торговать. Люди умели устраивать себе праздники. В каждой деревне был определен день, когда раз в году одновременно все жители деревни варили пиво (ничего общего с повсеместно принятым современным понятием пива оно не имеет) и звали в гости родных и знакомых из других деревень. Этот день так и назывался «Праздник».

В Калинино Праздник проходил в Заговинье (день начала сенокоса), в Челпаново – в Николин день (19 июня), в Наговицино – в середине сенокоса, в Подольской – в Вознесенье.

Процесс изготовления деревенского вологодского пива достаточно сложен и непременно требует практических навыков. Даже зная рецепт приготовления, неподготовленный человек не сможет сварить этот неповторимый напиток. После того, как была намечена дата варки пива, сначала вымачивали в реке мешки с рожью, проросшую рожь просушивали и везли на мельницу. Там приготавливали солод, это основной компонент. Для варки пива необходимо заблаговременно взять у односельчан или у жителей соседних деревень, которые недавно варили пиво, так называемый, «мел» - это неупотребляемый осадок от основного продукта. В те годы пиво варили часто и с «мелом» проблем не было, в наши дни иногда приходится ехать за «мелом» довольно далеко, а прежде чем ехать, надо узнать, где недавно варили пиво. Без этого ингредиента и начинать бесполезно. Кроме того, обязательно нужен хмель, который раньше выращивался в каждом подворье, а в наши дни это тоже редкость. Когда всё было подготовлено, на улице разжигали большой костер, поленья дров, для которого складывались особым способом, так, чтобы внутри костра можно было положить большое количество речных камней. Камни нагревались до красна и тогда их на вилах, несколько человек носили от костра к пивовару, который принимал раскаленные камни в деревянный ковш с длинной ручкой и опускал в большой деревянный чан (бочка диаметром полтора метра и больше). В чане заранее готовили специальный раствор из солода (солод приготавливали из проросшей ржи). В центре бочки находился высокий деревянный штырь, который закрывал соответствующее отверстие в днище бочки. Мастер – пивовар, опуская в раствор горячие камни, доводил его до кипения (даже зимой, в сильные морозы). Самое главное в процессе – удержать кипящий раствор в чане. Если переборщить с количеством камней, то от высокой температуры раствор «поплывет» и буквально вывалится из чана белой пеной, как каша,

оставленная на огне забывчивой хозяйкой. Мастер сам определял время готовности продукта. Из снопов делался специальный фильтр в виде крестовины, он надевался сверху на штырь и опускался на дно чана. Затем, когда содержимое чана остывало, пивовар укладывал поперек бочки деревянное весло, которым он, как правило, размешивал раствор и осторожно с помощью ножа, для которого весло становилось опорой, начинал приподнимать штырь из чана. Это самый ответственный момент. Если все сделано правильно, то из-под чана в специальное деревянное корыто (сам чан устанавливался на два толстых бревна, которые лежали на земле, а между ними ставили корыто) тонкой струйкой начинала течь прозрачная, с багровым оттенком жидкость, которая называлась сусло. Если же сусло грязного цвета, с различными примесями или же оно не текло вовсе, то вся работа насмарку, исправить ее не возможно. В таких случаях обычно говорили - «Сварил кисель».

При подобном конфузе всё содержимое из чана вскармливали скоту, а горе-мастера уже не считали пивоваром. Но это бывало крайне редко. Прежде чем самостоятельно варить пиво мужчины приобретали навыки от отцов, родственников, соседей и т.д.

Далее пивовар с помощью ножа регулировал струю сусла, затем устанавливал нож в соответствующее стационарное положение для равномерной струи. Женщины маленькими деревянными ковшами вычерпывали из корыта сусло и заполняли им котел, куда добавляли хмель, затем этот состав кипятили (котел подвешивался, а под ним разводили костер). Полученный продукт «складывали» (помещали) в лагуны (небольшие деревянные бочки с маленьким отверстием в верхнем днище, которое закрывалась деревянной пробкой) и добавляли туда «приголовок» (мел). В этих лагунах сусло окончательно приобретало свойства пива. Лагуны с пивом опускались в погреб, где оно могло храниться 3-5 дней. Такое пиво может иметь достаточно высокое количество градусов 10-12.

В Праздник, в каждом доме гостей угощали пивом и разными закусками. На столах стояло вареное, жареное, сушеное мясо, соленые грибы, картошка и капуста в различных вариациях, пироги, которые хозяйка обязательно пекла сама, моченая брусника, рыба, холодец и разные другие приготовленные хозяйкой блюда. Гости тоже не приходили с пустыми руками. Женщины несли с собой большие корзины, в которые были положены пироги, испеченные по этому поводу из белой муки, а также конфеты, печенье и другие сладости. За столом непросто проходил своеобразный конкурс среди хозяек – у каждой пироги имели свою неповторимую особенность, и каждая по очереди угощала ими хозяйку и гостей с непременной подачей белушки пива. Мужчина мог взять с собой на Праздник гармошку.

Одевались по такому случаю в лучшие наряды. Для женщин это были, как правило, нарядные «тройки», то есть сарафан, кофта и фартук, отороченные цветными лентами. На голове обязательно должен быть платок или полушалок. На ногах в большинстве своем были лапти, но в такие дни можно было увидеть женщин и девушек в сапожках, а мужчин и парней в сапогах. Молодые девушки, которым родители строго наказывали беречь дорогие сапожки, обычно шли на Праздник в другую деревню в лаптях, а сапожки несли в узелке. Не доходя до деревни, где предстояло гулянье, они надевали сапожки, а лапти прятали в стогу сена или в кустах. После Праздника, возвращаясь домой, они снова надевали лапти, а сапожки несли в руках. Это традиция сохранялась до 40-ых годов 20-го столетия.

Мама мне рассказывала, что в предвоенные годы она вместе со своей подружкой Манькой Ираидкиной пошла на Праздник в Оксилово. Они, как обычно, переобулись у деревни, а лапти спрятали в стогу соломы. На Празднике они гуляли со знакомыми парнями, которые явно проявляли к ним интерес. Вместе они плясали, водили хороводы, а когда девушкам пришла пора возвращаться домой, ребята напросились провожать их. Девушкам парни тоже нравились, да и знакомы они были давно, поэтому поначалу очень были рады, что их провожают. Проходя мимо скирды с соломой, подружки переглянулись, но при парнях признаваться, что они пришли на Праздник вообще-то в лаптях, конечно не захотели. От Оксилова до Подольской километров шесть. Так и шли они вчетвером, разбившись парами, до самой деревни. На опушке, у деревни девушки попрощались с провожатыми и пожелали им счастливого пути. Когда парни скрылись, подружки несколько минут беспрерывно хохотали, а потом отправились обратно до Оксилова за лаптями. Две Мани дружили с этими ребятами до самой войны. Парней призвали на фронт во время Великой Отечественной войны. и оба не вернулись.

На Празднике всюду звучали гармони и тальянки. Девушки, молодые женщины вставали в ряд человек по 6-8, брали друг друга под руки, с боку крайним пристраивался гармонист и такими шеренгами, одна за другой, с песнями и частушками, шли вдоль центральной деревенской улицы.

Затем на площади водили хороводы, плясали и, непременно, снова пели частушки про милёночков, дролей, зазноб и ягодиночек. Здесь парни плясали с девушками, общались с ними и высматривали себе будущих жён. Праздники носили подчеркнуто светский характер. При строгом патриархальном укладе жизни девушкам не позволялось в обычные дни гулять с парнями, тем более из других деревень. Парень мог открыто приходить к девушке на свидание только когда она была уже за него сосватана. Видимо поэтому, чтобы в деревнях были определенные дни, когда девушки и парни могли запросто общаться, наши предки и придумали в древние времена такие Праздники. Да и вполне взрослым людям хотелось отдохнуть от повседневных дел.

Более 20 лет, душа в душу, прожили вместе Александр Павлович и Евдокия, и ничего не предвещало беды, но в 1910 году Евдокия тяжело заболела. Она уже знала, что близок ее смертный час и дала напутствие мужу и детям. Детей просила, поскольку семья большая, отцу будет трудно, а потому в доме со временем должна появиться другая хозяйка – новая жена Александра Павловича, примите это как должное и слушайте её. Евдокия благословила по очереди всех своих детей, с тем и отошла. Старшему из сыновей тогда было 22 года, а самой младшей дочери всего 5 лет.

Но Александр Павлович не привел в дом чужую для детей женщину. Сначала потому, что очень любил свою покойную жену и даже не думал жениться второй раз, а потом дети выросли, и уже управляться с хозяйством стало легче. А если семья не успевала с сенокосом, строительством нового дома или другими работами, нанимали работников, постоянных и временных. Одним словом, овдовев, Александр Павлович 30 лет один растил и воспитывал детей и внуков. Старшие сыновья, Феодосий и Андрей, занимались преподавательской деятельностью в Калининской школе. К большому сожалению всех жителей

местных деревень, умерли они очень молодыми в возрасте 28 лет от неизвестной болезни в 1916 году. Гранитный памятник в их честь и сейчас стоит на Старогорьевском кладбище, на могильной площадке нашего рода, около церкви, и на нем еще можно разобрать некоторые слова и даты. В том же году умер Павел Иванович на 84 году жизни. Вскоре умерла Настя, когда ей едва исполнилось 16 лет.

Основной наследник и продолжатель рода по генеалогическому древу, Александр Александрович Подольский (дед автора), проявил незаурядные способности, как в крестьянской жизни, так и в овладении сапожного мастерства. Со всей округи и из далеких деревень ехали к нему местные жители и приезжие люди заказать пошив кожаной обуви.

Александр Александрович взял в жёны Аксиныю Ивановну из Наговицыно. Она была из бедной семьи, но отец Александр Павлович не препятствовал браку, так как и сам он и его братья Дмитрий и Иван женились по любви и этим заложили семейную традицию (кстати, это не мешало Александру Павловичу дочерей своих выдавать замуж, не спрашивая их согласия).

Бабушка моя, Аксиныя Ивановна, рассказывала, что когда она была маленькой, а семья была большой многодетной, то в зимнее время в просторной избе на пол устилалась солома, и маленькие дети бегали между овечек, которых приносили в дом, чтобы они не замерзли в хлеву в сильные морозы. А по весне, когда становилось тепло, все женщины и девочки семьи делали целыми днями уборку: вычищали следы пребывания домашних животных в доме, но все равно запах долго оставался, до самых летних дней.

Еще одна особенность, сохранявшаяся с древних времен: несмотря на то с конца 17 века жителям нашего края переписчиками были даны фамилии, в обращении к имени сына или дочери добавлялось имя отца или матери. Так всех детей Александра Александровича называли Олексины (Олекся – Александр), Толя Олексин, Вася Олексин и т.д. Это имело немаловажный смысл, так как, например, в нашей деревне большинство жителей имели фамилию Подольский (Подольская), от слова «Подол» - низкое место у реки, но для удобства всегда говорили Шурка Яшин, (по отцу), Коля Ираидкин (по матери) или к имени добавляли прозвище - Вася Матаня, Петька Оглобля, Миша Белый и т.д.

В начале Первой Мировой войны Александра Александровича взяли на фронт. Его жена в это время была в положении с первым ребенком, который родился в ноябре 1914 года и назвали его Анатолием. Александр Александрович вернулся домой только в 1918 году. Во время боев и химических атак немцев он был взят в плен и несколько лет жил в Германии, работая у одного из немецких фермеров. Как он вспоминал, работы у фермера было много, но кормили и одевали его хорошо. Даже письма домой в деревню писал. Сейчас трудно сказать, но вполне возможно, что его пристрастие к постоянному порядку в доме и делах, возможно, было позаимствовано от немецкого фермера.

Старшая дочь Александра Павловича, сестра Александра Александровича, Ираида вышла замуж в деревню Вшивец и жила там со своей новой семьей. Еще один сын Илья служил в Красной армии, работал учителем Ентальской школы Кич-Городецкого района и директором школы в городе Тихвене. Он пропал без вести на фронте в годы Великой Отечественной войны.

Судьбы сестер Пелагеи и Екатерины сложились по-разному, но шли параллельно с многочисленными неожиданными поворотами. Пелагея, когда выросла, считалась очень завидной невестой. Дорогие наряды, включая городские платья и пальто, богатое приданое, приготовленное и сложенное в специальном сундуке, целая очередь ухажеров, готовых в любое время взять на себя статус жениха Пелагеи. Но Поля не спешила выбирать, ей жилось в родном доме очень комфортно, и она отказывала всем соискателям ее руки. Шли годы, и Александр Павлович, наконец, сказал свое веское слово: « Скоро приедет свататься Степан Камкин с Пятакова Починка – дашь согласие. И так в девках засиделась».

Не помогли ни слёзы, ни уговоры. Отец был не преклонен. Жених Степан был из зажиточной семьи и сам считался трудолюбивым удачным мужиком, у которого всё получалось. Одним словом, «деловой» того времени. Венчаться со Степаном Пелагею повезли, где венчались её отец, дядьки, да и вся родня.

На свадьбе Пелагея сидела отрешенной и грустной. По обычаю подружкам невесты было положено немного плакать и причитать, Поля плакала вместе с подругами, но если те делали это понарошку, то невеста обливалась слезами по - настоящему. Она жалела и грустила о своем несбывшемся счастье в лице скромного парня из соседней деревни, который опоздал сделать ей предложение. Когда Полю, как жену Степана, привезли к нему в дом в Пятаков Починок, она совсем отчаялась и заперлась на несколько дней на мезонине (второй этаж пятистенного дома). Сначала еду ей туда приносила сердобольная мать Степана, затем Поля сама стала спускаться на обед, но ночевала наверху, не допуская к себе мужа. И только через четыре дня, после увещеваний хозяйки дома, матери Степана, которая рассказала Поле о своей судьбе, как ее выдавали замуж за незнакомого, чужого парня, но он оказался хорошим человеком, и они прожили много лет обычной деревенской и даже зажиточной семьей, Пелагея спустилась в спальню для молодых. Впоследствии у Степана и Поли родилось трое детей: Анна, Александр, Александра. Сестра Поли, Катя, тоже вскоре вышла замуж. Дело было так: Илья, служивший в это время в Красной армии, прислал в конце 20-х годов прошлого века письмо домой, где предупреждал родных, что вскоре грядут тяжелые для крепких крестьян времена и советовал распродать большую часть скота, а мужчинам уехать в город. Александр Павлович бранился по этому поводу: «Вишь, что пишет, нерабочая кость. Скот продать. А как жить?»

Тем не менее, в семье было решено выдать Катю замуж и отделить с частью имущества. Один из работников, работавший несколько лет в семье у Александра Павловича, Федор Васильевич Кокшаров из Наговицыно, зарекомендовал себя очень дельным работником. Он закупал у крестьян от имени хозяина шкуры, отвозил их в Никольск или еще дальше на выделку, а обратно вез кожу, из которой в сапожной мастерской шили обувь. Конечно, Федор обрадовался, когда ему дали понять, что Катю за него выдадут замуж. У Екатерины уже был жених, но ее убедили, что в интересах сохранения семейного дела, надо выходить за Федора. Катя не стала перечить «тятеньке», хотя и переживала сильно. Так уж сложилось в семье Подольских: мужчины добились права жениться по своему выбору, но девушкам таких привилегий дано не было. Да и сами главы семейств с возрастом становились жестче и патриархальнее в этом отношении. Никто бы Катю и слушать не стал. Она была девочкой умной, закончила 4 класса, читала на старославянском

языке церковные книги, писала письма от односельчан родственникам на «чужую сторону».

Едва успели отделить Катю (новая семья стала жить в Наговицино), началось в нашем крае, как и по всей стране, явление чудовищное, силой своей несправедливости и жестокости, под названием – раскулачивание.

Первым из братьев и сестер удар приняла семья Александра Александровича и Аксиньи Ивановны. К тому времени у них было восемь детей (девятый – сын Алексей родился в 1939 году, через 10 лет после начала коллективизации). Старшему сыну в семье Анатолию (моему отцу) было тогда 15 лет. В тот день он косил сено на Круглой (название пожни), когда к нему прибежали соседские девушки и, запыхавшись, рассказали, что приехали чужие люди и сейчас будут разбирать дома и забирать скот. Анатолий прибежал домой. Уполномоченный из сельсовета в это время давал указания: кому, какой дом разбирать. Привлеченные к такой неблагодарной работе мужики из Калинино, были уже готовы приступить, и тут на взвоз (настил из бревен, по которому на лошадях доставляли сено на второй этаж хлева) вбежал с топором в руках Анатолий и громко сказал: «Мужики, всех не успею, но кто первый полезет, тому руки отрублю». Мужики нерешительно потоптались, а затем, не обращая внимания на окрики уполномоченного, сели в телеги и уехали.

На другой день к усадьбе приехали милиционеры, и уже под их присмотром нанятые мужики начали разбирать дома в хозяйстве. Состарившийся Александр Павлович лежал на печи даже тогда, когда разбирали потолок в горнице, и только горько повторял: «Не ладно делаете, мужики. Бог накажет».

Два больших дома (пятистенный и шестистенный) разобрали и увезли. Один дом оставили, так как семья была многодетная и местные власти не решились ребятишек, мал мала меньше, оставить на улице.

Всех коров, которых забрали у семьи, угнали за реку в Калинино, поместили в стареньком сарае. Вечером коровы, привыкшие в это время быть в своем хлеву, разломали сарайчик и пришли к своей деревне, но она была за рекой. Коровы стояли на берегу и долго мычали, призывая хозяек впустить их в свой хлев и подоить. На другом берегу стояли и плакали женщины от жалости, горя и беспомощности. Вскоре коров обратно угнали в Калинино, а оттуда увезли в Никольск.

По иронии судьбы, проводить раскулачивание в деревне было поручено моему деду по материнской линии – Павлову Василию Григорьевичу, который в то время работал председателем сельсовета. Он не был уроженцем деревни Подольской, а как тогда называли мужчин, которые жили в доме жены, являлся «приёмком» из соседней деревни Челпаново. Обе семьи были многочисленными: у папы было 9 братьев и сестер, у мамы – 6, и они сохраняли доброжелательные отношения даже в те годы. Моя мама Подольская Мария Васильевна (в девичестве Павлова), 1922 года рождения, была тогда совсем ребенком, но хорошо помнила, что ее мать Ульяна Григорьевна и тетки, Клавдия Григорьевна и Анна Григорьевна, прятали в своих амбарах имущество семьи раскулачиваемого Александра Александровича, которое приносили им женщины, их подруги из своего дома подвергнувшегося репрессиям. Это были наряды, посуда, самовары и разная утварь. Через несколько недель, когда операция по экспроприации в деревне была закончена, все это конечно, снова тайно, было возвращено раскулаченной

семье. Сейчас уже трудно сказать: знали ли об этом главы семейств обоих домов, разведенные по разные стороны баррикад, но женщинам из дома деда по материнской линии надо отдать должное. Это была далеко не безопасная помощь: укрывать имущество раскулачиваемых по законам того времени было чревато высылкой или даже тюрьмой.

Сам хозяин семейства Александр Александрович, подвергшийся раскулачиванию, и его сын Анатолий скрылись в этот же день, их предупредили, иначе их ожидал арест и суд. Рано утром ни свет, ни заря отец и сын отправились пешком в Шарью. За спиной Анатолия висела огромная котомка, которая была нагружена хлебом, сменной одеждой и обувью. Отец в своих рассказах вспоминал, что когда он шел, котомка из-за своих размеров касалась даже его ног, из-за чего идти было очень неудобно и тяжело.

Сначала Анатолий жил и работал в Мантурово, а затем переехал в Мурманск. Его отец, Александр Александрович, тоже одно время жил в Костромской области, изредка тайно посещая семью. Он вернулся домой в 1933 году, когда компания по раскулачиванию закончилась, вступил в колхоз и жил до самой старости в родной деревне.

У его детей судьба сложилась по-разному: старший Анатолий тоже иногда тайно посещал деревню, а однажды сделал это открыто. В Мантурово у него была работа и жилье, но не было паспорта. Однажды он попросил у начальства справку с места работы для получения дубликата свидетельства о рождении, которое он якобы потерял. Начальник, ничего не подозревая, написал справку, что Подольский А.А. работает там-то и направляется по месту рождения для получения свидетельства о рождении. Бумага была заверена печатью и вручена Анатолию. Когда молодой человек рассматривал готовую справку, то заметил, что после слов «для получения свидетельства о рождении» осталось свободное место, и он такими же чернилами дописал «и паспорта».

В Никольске сдал справку и фотографии в паспортный стол местного отделения милиции и через несколько дней пришел получать в назначенное время готовые документы. Сотрудник, занимавшийся выдачей паспортов, уже был готов выдать желанный документ, оставалось только расписаться в получении, как вдруг в кабинет зашел начальник милиции: «Так! И что это? Подольскому паспорт!? Да его арестовать надо. Это беглый сын кулака». Паспорт не выдали, но и арестовывать не стали. К тому времени вакханалия с кулачеством уже закончилась, в стране начиналась масштабная индустриализация. Паспорт Анатолий вскоре получил в Мантурово и мог спокойно и легально приезжать домой. Но до этого времени было несколько лет скитаний и за эти годы у Анатолия было немало романтических историй. Вот одна из них: Во время своих тайных посещений родной деревни (тайных только для властей, все односельчане были в курсе)) Анатолий, тогда еще совсем молодой человек, завел роман с девушкой-землячкой со странным именем Паранька, но свидания их были крайне редки, да и Анатолий не думал еще обзаводиться семьей. Однажды зимой он отпрашивался на работе на несколько дней, чтобы навестить родных в деревне. В леспромхозе, где он работал на заготовке леса и числился хорошим работником, ему дали лошадь и он на санях поехал домой. С ним напророчилась ехать молодая женщина из нашей деревни – Опрошка, жена Сергея Подольского, расстрелянного большевиками как организатора молебн и откровенно ругавшего при его аресте советскую власть,

как власть бесовскую. Опрошка, во время раскулачивания и ареста мужа, убежала и спряталась, а впоследствии, уехала в Мантурово. Но у нее в деревне был дом, оставленный властями при экспроприации для прислуги, работавшей в доме Опрошки, и она время от времени тоже скрытно приезжала в деревню. Когда до Подольской оставалось совсем ничего, спутница, сидевшая на санях сзади, вдруг сказала Анатолию, который возжами управлял лошадей:

- Толя, а ты знаешь, сегодня твоя Паранька замуж выходит? Свадьба у нее в деревне.

- А что ты раньше то не сказала?!

- Боялась, что ты расстроишься и не поедешь домой, а мне очень надо. Давно не была.

Когда Анатолий вошел в родной дом, его мать Акси́нья Ивановна (ее все называли маменька) собиралась на свадьбу. Она рассказала сыну, что Параньку сосватали и выдают сегодня замуж. Анатолий дал маменьке 50 рублей, немалые по тем временам деньги, на которые если не корову, то теленка точно можно было купить, и попросил передать деньги с поздравлениями его возлюбленной, которая выходила замуж за другого.

Маменька все сделала, как велел ее сын. Когда невеста взяла деньги, то сразу поняла от кого такой подарок. Только и промолвила: «Толя приехал?» Потом она плакала, ее никак не могли успокоить. На другой день невеста с женихом уехали жить в Челпаново, но всего через несколько дней они развелись и Паранька вернулась в свой дом, к родителям. Затем она уехала в Мурманск, через несколько лет вернулась и вышла замуж в деревню Вшивец. По рассказам моей матери интерес Параньки к нашему отцу не пропадал еще долгие годы. Даже когда отец после Великой Отечественной войны в декабре 1945 года вернулся в деревню бравым военным моряком, бывшие подружки старались напомнить ему его прошлые похождения и всячески пытались обратить на себя внимание.

Кровавый топор раскулачивания непосредственно коснулся и семьи Пелагеи и Степана, которые жили в Пятаковом Починке. К тому времени у них уже было трое маленьких детей. Но здесь и впомине не было какого - либо снисхождения. Степана сразу арестовали, а Полю с детьми выставили на улицу (дом разобрали и увезли). Бравый Степан, который всегда отличался храбростью и крутым нравом, не захотел дожидаться несправедливого суда и последующей высылки и, проявив завидную, свойственную ему прыткость в тот же день сбежал от конвоиров, раскидав их, как мешки с картошкой. Милиционеры долго его искали, но найти не смогли, а местные жители не выдали «нехристям» своего земляка.

Тогда многие из крепких крестьян жили как бы на нелегальном положении, скрываясь от местных властей, однако работали на предприятиях в Шарье, Никольске, Мантурово, Великом Устюге, и даже приходили и приезжали в свои деревни повидаться с семьями. Спустя несколько недель Степан устроился на работу в одну из артелей, там вскоре и погиб от несчастного случая на производстве.

В это время, характерное своей несправедливостью и жестокостью, в местных лесах иногда находили укрытие жители окрестных деревень, вынужденные скрываться от властей. Один из таких крестьян, не бритый и обросший «как черт», а ещё и голодный, встретил Феклушу, которая пришла в лес

за ягодами. Феклуша жила в нашей деревне, была одинока, нелюдима. Она часто ходила в лес не только за ягодами и грибами, но собирала там различные травы и корни. Своей скотины не держала, зимой за дровами ходила в лес с большими санками, хотя все остальные жители ездили на лошадях. Когда из чащи вылезло человекоподобное обросшее существо и направилось к ней, Феклуша рванула от него, куда глаза глядят и что было сил. Страх гнал её через лес, болото, а потом и через поле. Но «черт» не отставал. Это один из раскулаченных крестьян, бежал за ней надеясь догнать и объяснить, что бы Фекла сказала его родне, куда принести еду. Кричать он не стал, так как тоже боялся, что могут услышать те от кого он скрывлся. Так и бежали они несколько километров. Обессиленная женщина уже добежала до плетня (забор, сделанный из жердей и кольев, который называли огород), там за «огородом», чуть ниже, начинались первые избы, но сил перелезти через забор уже не было. Фекла упала на землю и, думая, что сейчас «нечистый» её будет убивать, встала на колени и начала молиться. Мужик тяжело дыша, кое как выговорил: «Фекла, ты чего? Не узнала поди? Это я ... » И мужик назвал своё имя. Фекла пришла в себя, поняла, кто за ней бежал, отряхнула фартук и с криком: «Да ты меня до смерти напугал, я сейчас тебя..», схватила кол от огорода и ...побежала за «чертом». Но теперь они бежали не долго, через несколько метров Фекла бросила кол и незадачливый беглец объяснил ей, что ему нужно. Но вернемся к нашим родственникам.

Поля с детьми, после раскулачивания, жила у Кати с Федором, семья которых переехала из Наговицина в Никольск. Федор имел четыре класса образования, по тем временам считался довольно образованным человеком и, когда в Никольске открылся сушильный завод, его назначили директором нового предприятия и выделили для проживания с семьей дом рядом с заводом. Катя к мужу переехала не сразу. Долгое время жила одна с ребенком в Наговицино, но затем ей в Никольске нашлась работа, и семья воссоединилась. Едва Катя переехала в Никольск, пришлось приютить у себя сестру Полю с двумя детьми (старшую дочь Поли – Анну отправили в Ленинград к дяде Илье).

Постепенно все улеглось. Поля устроилась работать санитаркой в больнице. В отличие от своей сестры Кати она не имела образования, но у нее были «золотые» руки, потому как она могла сшить любое платье. Вечерами, после работы, когда сестра занималась домашними делами, а дети играли во дворе или доме, Пелагея сидела за швейной машинкой и выполняла очередной заказ городских модниц или просто знакомых (о ее мастерстве вскоре знали очень многие). Заказчицы не всегда рассчитывались деньгами. Из-за их нехватки несли масло, яйца, белую муку, которая считалась дефицитом, или кусок материи. Через несколько лет, Федора назначили председателем объединения артелей, куда входило несколько предприятий: сапожная мастерская, хлебозавод и другие. К тому времени в их семье было двое детей Василий (1929 года рождения) и Александра (1933 года рождения) (еще трое детей умерли при эпидемии менингита). Когда в 1939 году началась Финская война, Федор был призван в армию, участвовал в боевых действиях на фронте и получил контузию. После госпиталя Федор вернулся с фронта, работал в райпотребсоюзе и был народным заседателем в суде. В 1940 году родилась младшая дочь - Фаина. В Великой Отечественной войне Федор из-за контузии не участвовал, работал на ответственных должностях. После войны на

него начались гонения, стал не угоден начальству, припомнили ему и родство с кулаками.

Друг его, с которым вместе воевали на Финской войне, прислал письмо из Донбасса: «Приезжай. Зарботки здесь хорошие». В 1948 году, несмотря на возражения жены, Федор уехал в Донбасс на зарботки. Работал в шахте, зарботки и в самом деле были неплохие, и за неполный год он накопил немалую сумму, сам жил скромно, снимал маленькую комнату, все зарботанные деньги берег для семьи. Перед самым Новым годом он получил на шахте окончательный расчет и хотел после Нового года выехать в Никольск. Но 2 января 1949 года его ограбили и убили, прямо в комнате, которую он снимал. Преступники, заметая следы, уже мертвого Федора повесили. Следствие так ничего и не дало.

Сестры Поля и Катя долгое время так и жили вместе со своими детьми. Поля переехала от Кати только тогда, когда ее младшая дочь Александра вышла замуж за Николая Зубова, они построили дом в Никольске, и Поля стала жить вместе с дочкой и зятем.

В послевоенные годы стало традицией на семейные праздники всем родственникам собираться в Подольской, в доме Александра Александровича и Аксины Ивановны. У них было девять детей: Анатолий (1914-2000 г.), Нина (1919 год рождения), Феодосий (1921-1943), Александра (1922-2004), Александр (1931-1960), Андрей (1924-1978), Василий (1927-1996), Валентина (1929-1998), Алексей (1939-2007).

Я хорошо помню, как в 60-ые и начале 70-ых годов в доме моего дедушки Александра Александровича собирались все родственники с жёнами, мужьями, детьми. Александр Александрович был худощавый, крепкого телосложения, суровый на вид мужчина. Его слушались дети, даже будучи совсем взрослыми. Аксиныя Ивановна, наоборот, в возрасте стала полной женщиной и всегда занималась только домашними делами. Даже раскулаченная семья никогда не бедствовала. В доме деда, у первого в деревне, появились патефон, радиоприемник с огромными батареями, велосипед, выписывались газеты и журналы. В комнатах всегда было чисто прибрано, на окнах висели тюль и шторы, на столах лежали скатерти, в большой вазе стояли цветы, а в стеклянных с узорами конфетницах всегда были конфеты и сушки, привезенные из города. Дети и внуки Александра Александровича первыми из всей округи получили среднее и высшее образование.

С домом деда связаны и некоторые загадочные факты. Когда мне было лет десять, бабушка подарила мне несколько больших монет (от времени они были зеленоватыми) и пару десятков крупных ассигнаций 19 века, причем их номинальная стоимость 25руб и 100руб для своего времени была очень значительной. Крестьяне во второй половине 19 века такими деньгами владели крайне редко, что означало только одно, деньги где - то были припрятаны, да так и остались не востребованы хозяином. (Впоследствии я передал их коллекционеру – нумизмату). Сама бабушка после смерти мужа, в начале семидесятых годов, «нашла» в огороде небольшой клад, уже настоящий, а может, просто знала, где он был закопан. Там были золотые и серебряные монеты, которые она подарила младшему сыну Алексею. Он тогда жил в Москве.

Старшему сыну Анатолию (моему отцу) в детстве досталось, так как ему приходилось с ранних лет работать по хозяйству и нянчить младших братьев и сестер. После Мантурово он жил в Мурманске, ходил в море на рыболовных судах,

а вовремя Великой Отечественной войны сопровождал на кораблях охранения в качестве рулевого американские и английские суда, которые шли в порты Мурманска и Архангельска. Немецкие самолеты старались не допустить, чтобы нужные для фронта грузы дошли до места назначения и ожесточенно бомбили суда союзников и наши корабли сопровождения, а подводные лодки противника незаметно подбирались и пытались торпедами подбить суда и корабли. Три раза Анатолий оказывался в ледяной воде Баренцова моря, когда его корабль был подбит, и звучала команда «Всем за борт», но каждый раз он успевал доплыть до наших, остававшихся на плаву, кораблей и ухватиться за брошенный с палубы канат. В холодных водах северного моря погибли тысячи советских, американских и английских моряков. Отец рассказывал, что это были почти все молодые ребята, погибшие в огне и воде.

Когда корабли находились в Мурманском порту наши военные моряки, иногда общались с американскими и английскими моряками и даже обменивались подарками. Среди наших офицеров и матросов ценились фонарики и зажигалки от союзников, а те в свою очередь с удовольствием принимали наши прочные перчатки из натуральной кожи. Любое общение с иностранцами было запрещено после Победы, но тогда уже все наши моряки ждали, когда их демобилизуют и им представится возможность побывать в родном доме.

Анатолия очень уважали братья, сестры, все родственники и знакомые за рассудительность и доброжелательность. Он умел поддержать разговор, выслушать собеседника и сам был интересным рассказчиком. Отец иногда рассказывал мне о своей жизни, а потом и мама со мной, уже взрослым человеком, делилась своими воспоминаниями.

Так, например, она рассказала, когда в декабре 1945 года Анатолий вернулся с фронта, демобилизовавшись из Северного флота, его родители по традиции уже подобрали ему невесту и очень хотели, чтобы он ее взял в жены. Девушка жила в Кузнецове и по слухам была хороша собой. Отец, не решаясь расстраивать родителей категорическим, прямым отказом, ему уже тогда нравилась наша мама – Мария, (Маня Воробьенкова, как называли её в деревне), решил воспользоваться хитростью. Анатолий сказал родителям: «Прежде чем свататься, дайте возможность посмотреть на девку». К нему навязывались в провожатые многие родственники, но он сказал: «Негоже моряку толпой ездить. Сам все сделаю». Запряг лошадь и поехал в Кузнецово, где жила претендентка. Он доехал до Теребаева, остановился у знакомых, пил чай и рассказывал о войне, городской жизни и о своих планах. Так, погостив часа два, довольный и сытый, он поехал обратно, даже не завернув в Кузнецово. Приехав домой, распряг лошадь, зашел в дом и сказал родителям: «Метель там. Все вокруг замело, дороги на Кузнецово нет. Как ни бился, проехать не смог. Не судьба видно, а против судьбы, что против ветра...» На том, тему и закрыли.

Когда было решено брать в жены Маню, свататься вызвались многие представители многочисленной семьи жениха. Мама была предупреждена, но когда ей сказали, что к их дому идет целая толпа родни Анатолия, она от неожиданности и, не зная, как принимать многочисленных сватов, закрыла двери на засов изнутри и залезла на печь. Но ее младшая сестра Нила, очень хотевшая посмотреть на настоящую свадьбу (во время войны свадеб было мало и были они очень скромными), втихаря открыла засов ипустила гостей. Мама еще больше

смутилась, когда в дом вошли не только знакомые, но и представительные мужчины из Никольска, как например, Федор, который шутками, прибаутками и деликатной речью городского человека убедил ее слезть с печи и пообщаться со сватами. Жена Федора Катя, в свою очередь, приготовившая для Анатолия другую избранницу, её знакомую из Никольска, неожиданно сказала: «Ну, уговаривать-то не будем. Ты, Маня, не малина, не обсыпишься».

Но мои будущие родители уже сделали свой выбор, решив соединить свои судьбы. В доме Александра Александровича было наварено большое пиво по этому поводу. Так создалась новая семья в роду Подольских.

Вскоре молодые построили свой дом, но жить было трудно. Неурожайные послевоенные годы принесли не мало горя. Люди в округе просто умирали от голода. Мама рассказывала, что семьи участников войны получали продовольственный паёк и пусть не сытно, но прожить было можно. Сложнее всего было людям пожилым и старым, так как пенсии в те годы никто не получал, работать в колхозе они уже не могли, а дети их зачастую жили на чужой стороне. Появились нищие и попрошайки. Даже из соседних деревень приходили старички с одной просьбой: «Покорми, Маня, ради Бога». Мама подавала, но как она говорила, всех накормить было не возможно и безрассудной добротой можно было обречь свою семью на голод.

В трудные 50-е и 60-е годы, в колхозах начислялась не зарплата в рублях, а «трудодни» и на них колхозникам выдавалось зерно, мука, сено, солома и даже маленькие поросята. Денег давали совсем немного, по итогам работы колхоза за год. Итоги зависели от выполнения плана, а план доводили «сверху», не спрашивая «коллективное хозяйство». Наш отец, Анатолий Анатольевич, умел класть печи и печки, был хорошим плотником, и это помогало ему зарабатывать на стороне хоть какие - то деньги. Но работы частного характера можно было выполнять лишь в нерабочие дни или вечерами. За не выход на работу с колхозника спрашивали строго.

Отец был очень начитанным человеком, и мог разговаривать с любым образованным горожанином, руководителем, учителем на равных. Одна из его любимых тем в беседах со мной – как люди будут жить в будущем. Этот вопрос он мне задавал и спустя много лет, когда я начал заниматься литературной деятельностью. Меня в свою очередь, например, в период реабилитации репрессированных (конец 90-х годов) интересовало, как он сам, его отец и дед, так сильно пострадавшие во время коллективизации приняли Советскую власть. Анатолий Александрович ответил, что дед его Александр Павлович, не верил что безбожная власть надолго, а отец Александр Александрович никаких высказываний против новой власти не говорил. Что касается лично его, то отец честно признавался, что в коммунизм никогда не верил и программу КПСС считал обычной пропагандисткой бумагой. Но быстрые развороты в истории страны в 90-е годы тоже не одобрял и считал, что они проводятся не в интересах народа. К религии относился скептически, объясняя это тем, что со времен фараонов в этой сфере «люди много лишнего напридумывали». За его рассудительность, компромиссный характер и умение работать односельчане выбрали его бригадиром в колхозе.

Во время Великой отечественной войны деревня Подольская проводила на фронт 36 человек, 23 из них остались на полях сражений. На войне погиб Илья

Александрович, дядя отца, тот самый, который предупреждал о раскулачивании. Погиб в 1942 году и отец мамы Павлов Василий Григорьевич. По рассказам мамы с войны он писал домой очень душевные письма: «Смотрю по утрам на восток и как будто вижу нашу родную деревню в легкой дымке горизонта, и словно слышу голоса жены моей любимой и детей моих малых». Его жена Ульяна осталась с шестью детьми, старшей из которых была мама, а младшему Юре было всего три года. Когда дети подросли, а мама вышла замуж, все ее братья и сестры уехали в Мурманск. Этот город и для меня стал близок. После окончания школы я учился на первом курсе Мурманского государственного педагогического института и с той поры храню о нем добрую память. В послевоенные годы служили в армии все младшие братья отца и младшие братья мамы. После свадьбы отец и мама прожили долгую совместную жизнь - 55 лет они жили вместе, вырастили четверых детей и помогали воспитывать внуков. Кроме работы в колхозе они вели приусадебное хозяйство, имели огород и домашних животных: корову, овец, поросят, кур. В 1965 году семья уезжала в Целиноградскую область – поднимать целину, но мама очень скучала по родным местам, и мы вернулись на Вологодчину.

В наших семьях и в семьях наших односельчан никогда не стоял вопрос служить или не служить в Армии. Мы служили все. После окончания Политехнического института я был призван в ракетные войска Забайкальского военного округа. Мои сыновья, Александр и Игорь, после окончания ВУЗа в положенные сроки служили в вооруженных силах, и я надеюсь, что эта традиция будет продолжена. Отец скончался в 2000 году, на восемьдесят шестом году жизни. Мама последние годы жила с нами в Йошкар-Оле и радовала меня и мою семью своими рассказами о далеком и недалеком прошлом, всегда ждала известий от внуков своих и правнуков, которые живут в разных городах. Мама умерла 06.03.2012г. на девяностом году жизни и похоронена рядом с мужем на кладбище около Старогеоргиевской церкви Никольского района Вологодской области. Вечная им память.

Нина, сестра моего отца Анатолия Александровича, вышла замуж в Челпаново за Павлова Петра Петровича и родила шесть детей. Она прожила долгую жизнь - без малого 100 лет.

Феодосий погиб на фронте во время Великой Отечественной войны. Александра вышла замуж в Нагавицино за Тельминова Михаила Михайловича (Миша Болотов). Тётя Саня, громкоголосая, всегда нарядно одетая, чаще других бывала у нас в гостях. Своих детей у нее не было, и она позаимствовала у своей сестры Валентины одну из младших дочерей – Сашу.

Александр уехал в Мурманск, там жил и работал. На сохранившихся фотографиях это парень – красавец. В 1960 году на глазах наших родственников (тогда в Мурманск уезжали очень многие) его сбила машина на городской улице, даже до больницы не успели довезти. Мой отец ездил к нему на похороны. Это было последнее посещение отцом любимого города.

Андрей, получивший неплохое образование, работал бухгалтером в деревне Кожаево и жил там же с женой Валентиной, учительницей иностранных языков. У них родилось двое детей.

Василий, его называли последний чёботарь, известный в округе мастер плотницкого дела и еще более известный как бабник. Несмотря на неустроенность в личной жизни и многочисленные браки, сумел воспитать трех детей.

Валентина, вместе с мужем Камкиным Василием Васильевичем жила в Пятакове Починке и родила семь детей. Их дочка Саша на время была передана тётке Сане. Этот случай стоит того, чтобы о нем рассказать подробнее. Дело было в конце 60-ых годов. Сестры Александра и Валентина договорились, что одного ребенка из семи временно передадут из семьи Камкиных бездетной паре Александре и Михаилу. Когда тётя Саня и дядя Михаил приехали в Пятаков Починок за обещанным ребенком Валентина сказала: «Выбирайте. Все тут». Старшие дети невозмутимо молчали, они понимали, что без их согласия никто их не заберет, а младшие в испуге разбежались и спрятались: кто в поле за скирдой, кто в сарае. Лишь маленькая Саша растерянно стояла на полу и не понимала почему ее братья и сестры убегают от нарядной тётки и доброго дяди. Ее и увезли на воспитание. Так и прожила она несколько лет у тётки Сани в Наговицино, приезжая к братьям и сестрам во время школьных каникул..

У меня есть и личные воспоминания о забавном случае, связанном с тёткой Валей. Дело было зимой, когда родня в очередной раз собралась у дедушки с бабушкой. Мне было лет пять, не больше. Тётя Валя сидела около печки-голланки с недавно родившемся ребенком, которого держала на руках, закутанного в многочисленные пеленки и одеяла. Я стоял рядом, и мне очень хотелось посмотреть на маленького человечка, и я попросил тётю Валю: «Покажи хоть ребенка то». Тётя Валя осторожно стала раскутывать одеяла, платки и пеленки. Их было так много, что мне стало даже неудобно, ведь это я заставил тётю их так долго разворачивать, и наконец, решил пошутить, сказав такую фразу: «Не ребенок, а одни тряпицы». Хохот потряс все помещение, смеялись все: дедушка, бабушка, все тётки и дяди, и что особенно меня задело: смеялись вместе с ними и мои родители. Уж они то знали меня и должны были понять шутку. Нет, все подумали, что серьезный мальчик Толя сделал такой оригинальный вывод, глядя на манипуляции со свертком тётки Вали.

Алексей, самый младший из детей Александра Александровича и Аксины Ивановны, первым из нашей деревни закончил Аргуновскую среднюю школу, затем служил в армии, учился в Архангельском пединституте, работал в министерстве Обороны, позднее в институте Стали и Сплавов на кафедре физвоспитания. Жил в Москве. Жена Людмила Сергеевна родила ему двоих детей.

Я намеренно не описываю жизнь и события связанные с тремя последними поколениями нашего рода, это дело будущего времени и скорее всего другого автора. Отмечу только, что в детстве я особенно дружил с тремя своими двоюродными братьями: Валеркой из Кожаево, Колей из нашей деревни и Васей из Пятакова Починка. Конечно, двоюродных братьев и сестер у каждого из нас наберется не один десяток, но мы, четверо, были примерно одного возраста и часто во время школьных каникул проводили время вместе. Мы с Колей жили рядом и поскольку наши отцы были родными братьями, общались почти ежедневно, а Валерка и Васька приезжали к деду и бабушке, жили у них неделями, поэтому летние и зимние дни мы проводили вместе на речке Шарженьга, в солнечные дни - купаясь часами в прозрачной, чистой воде, тогда полной рыбы и раков, а в морозы - катались на санках и лыжах с её крутых берегов.

Как всегда не обходилось без забавных случаев. Дед наш, Александр Александрович, любил пить чай из самовара и воду для этих целей старались брать проточную, хрустальную из реки. Хотя колодцев в деревне было не мало, очень часто на реку за водой ходили и взрослые и дети. Однажды, когда мы зимним вечером сидели у бабушки, он сказал, что бы мы принесли ведро воды из речки для самовара. Пошли втроем Вася, Коля и я. Была метель, спуск к реке был заметён, но я осторожно начал спускаться. «Ты куда?» - услышал я голос братьев, «Не надо туда переться. Видишь, дорога обледенела. С ведром не поднимемся.

- Так ведь, бабушка велел воду с реки принести.

- Принесем, из колодца. Какая разница?! Да не трусь ты, мы не впервой.

С этими словами Вася и Коля живо начали опускать деревянную бадью, на железной цепи колодца Санка Приемка, стоящего рядом, на берегу реки. Вода была доставлена, самовар вскоре скипел и бабушка сидя за столом, не спеша попивая чай из чашки с блюдцем витиевато разрисованными, говорил – «Совсем другое дело, когда вода речная. Её ведь сразу распознать можно».

Я сидел на лавке не жив, не мертв. Это был первый для меня урок по неизбежному в жизни лукавству. И хотя этот детский обман был без всяких последствий, я помню его.

В те времена субординация в семье деда соблюдалась беспрекословно. Например, у меня до сих пор перед глазами такая картина из детства: После работы в лесу мы возвращаемся домой. Впереди идет бабушка, за его спиной, за ремнем, заткнут топор. Он идет не торопясь, но его никто из нас не обгоняет. В нескольких метрах, сзади от бабушки идут мой отец и дядя Вася (отец Коли) о чем - то разговаривая. И наконец, за ними, тоже на расстоянии нескольких метров идем мы с Колей. В руках у нас небольшие, в отличии от взрослых топоры и несем мы их в руках. И хотя бабушка был от нас на приличном расстоянии, он заметил, что мы с Колей время от времени срубим ветку с дерева или просто помашем топориком, тогда он остановился, (остановились и отцы наши), сделал нам внушение и все продолжили движение в таком же порядке, только мы, мальчишки, уже притихшие, шли, лишь переглядываясь между собой.

Летом 1964 года, когда я закончил четвертый класс и в один из летних дней на лошади, запряженной в коробок (небольшая телега на двух колесах) возил силос для складирования, мне сообщили, что умирает бабушка. Придя в дом деда, я увидел, что все наши родственники уже сидят на стульях и лавках в большой комнате. Бабушка лежал на кровати. Сыновья, дочери, зятья, невестки по очереди подходили к кровати, опускались на колени перед дедом со словами: «Благослови, тятенька», Бабушка, уже совсем слабой рукой, делал движения, что бы перекрестить голову преклоненного, затем, прощающийся родственник целовал деду руку и освобождал место для следующего. Через несколько часов бабушка умер в окружении своих детей и внуков.

Уместно отметить, что все четверо внуков, о которых я упомянул, успешно получили среднее, затем высшее образование и нашли свое место в жизни: Валерий Андреевич посвятил свою жизнь газовой отрасли, Василий Васильевич, после окончания военного училища дослужился до подполковника, Николай Васильевич стал руководителем крупной строительной фирмы, автор статьи работал первым заместителем главы администрации Медведевского района в Республике Марий Эл, преподавал в вузе, занимается литературной деятельностью.

Добавлю, что всего у Александра Александровича и Аксины Ивановны 24 внука и внучки. Мы живем в разных городах и регионах, но свято чтим корни и ветви нашего рода, помним о своей малой родине, стремимся туда и встречаемся там. Нам есть, что рассказать уже своим внукам о наших дедах и прадедах и мы гордимся, что являемся маленькой частью нашей великой страны – России.